Ilmiy tadqiqotlar va ularning yechimlari jurnali
Aoka guvohnoma № 323759 ISSN: 3060-4818

РАЗДЕЛ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ СУПРУГОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА, РОССИИ, АНГЛИИ И УЭЛЬСА

Мамбетова Зульфия Султанбековна
Преподаватель в кафедре гражданского права и международного частного права в Университете мировой экономики и дипломатии
E-mail: zulfiyamambetov@gmail.com
913701700
https://doi.org/10.5281/zenodo.24392951

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ раздела общего имущества супругов, в состав которого входят криптоактивы, токены, NFT, аккаунты, Telegram-каналы и доменные имена, по законодательству Узбекистана, России, Англии и Уэльса. Показано, что три правопорядка находятся на разных стадиях. Узбекистан признаёт криптоактив имущественным правом лишь в подзаконных актах, а Семейный кодекс о цифровых активах молчит. Россия признала цифровую валюту имуществом для целей банкротства и исполнительного производства и обсуждает прямую норму в Семейном кодексе. Англия и Уэльс закрепили цифровые активы как объект права собственности и располагают развитыми процессуальными средствами: обязанностью полного раскрытия имущества и неблагоприятными выводами при его сокрытии. Автор доказывает, что решающим для раздела является не квалификация актива, а контроль одного супруга над доступом к нему. На основе сравнения предлагается пятизвенная модель раздела (квалификация, раскрытие, оценка, раздел, исполнение) и изменения в Семейный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и Закон «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» Республики Узбекистан.
Ключевые слова: цифровые активы; криптоактивы; цифровая валюта; общее имущество супругов; раздел имущества; сравнительное семейное право; Узбекистан; Россия; Англия и Уэльс; NFT; приватный ключ; раскрытие имущества; сокрытие имущества; дата оценки; исполнение судебных решений.

Annotatsiya. Maqolada er-xotinning kriptoaktivlar, tokenlar, NFT, akkauntlar va Telegram-kanallardan iborat umumiy mulkini bo‘lish masalasi O‘zbekiston, Rossiya, Angliya va Uels qonunchiligi asosida qiyosiy-huquqiy tahlil qilingan. Muallif bo‘lishda hal qiluvchi omil aktivning huquqiy tavsifi emas, balki unga kirish imkoniyatining bir er-xotin nazoratida bo‘lishi ekanini asoslaydi. Xorijiy tajriba asosida raqamli aktivlarni bo‘lishning besh bosqichli modeli va O‘zbekiston qonunchiligiga o‘zgartishlar taklif etiladi.
Kalit so‘zlar: raqamli aktivlar; kriptoaktivlar; er-xotinning umumiy mulki; mulkni bo‘lish; qiyosiy oila huquqi; sud qarorlarini ijro etish.

Abstract. The article offers a comparative legal analysis of dividing spouses’ joint property that includes crypto-assets, tokens, NFTs, accounts and Telegram channels under the law of Uzbekistan,

Russia, and England and Wales. The author argues that the decisive factor is not the legal qualification of an asset but one spouse's control over access to it. Drawing on foreign experience, the article proposes a five-stage model of division and amendments to the legislation of Uzbekistan.

Keywords: digital assets; crypto-assets; joint marital property; division of property; comparative family law; enforcement of court decisions.

Введение

Имущество семьи переходит в цифровую форму быстрее, чем меняется семейное право. Супруги хранят сбережения в криптоактивах, получают доход от Telegram-каналов и блогов, владеют токенами, NFT и доменными именами. При расторжении брака эти активы должны делиться наравне с квартирой или автомобилем, однако правила раздела создавались для видимых объектов.

Рынок цифровых активов в Узбекистане уже велик: к февралю 2026 г. на лицензированных криптоплатформах зарегистрировались более 661 тыс. граждан [18]. Одновременно развод остаётся массовым явлением: с января по начало ноября 2025 г. развелись почти 32 тыс. пар, а Глава государства публично назвал брачный договор способом защиты имущественных прав супругов [19]. Следовательно, всё больше споров о разделе имущества будет касаться активов, которые закон не называет.

В законодательстве Узбекистана можно выделить три пробела. Во-первых, ст. 23 Семейного кодекса не упоминает криптоактивы, токены, аккаунты и домены [1]; молчит о них и постановление Пленума Верховного суда № 3 от 20 февраля 2023 г. [4]. Понятие криптоактива содержится лишь в постановлении Президента ПП-3832 и актах Национального агентства перспективных проектов (НАПП), где он определён как имущественное право — совокупность цифровых записей в распределённом реестре, имеющая ценность и владельца [3; 5]. Во-вторых, Пленум позволяет учесть скрытое имущество, но супруг-истец сначала должен доказать его существование, а холодный кошелёк или счёт на иностранной бирже суду практически недоступны. В-третьих, даже верное решение суда может оказаться неисполнимым: без приватного ключа исполнитель не может изъять или передать криптоактив.

Россия и Англия столкнулись с теми же проблемами раньше и решают их по-разному. Российский законодатель идёт путём специального закона о цифровой валюте и точечных поправок в Семейный кодекс [17; 22]. Английское право опирается на судебное усмотрение, жёсткую обязанность раскрытия имущества и сильные обеспечительные меры [16; 24–27]. Сравнение этих моделей позволяет понять, что именно Узбекистану стоит заимствовать.

Цель статьи — на основе сравнения права Узбекистана, России, Англии и Уэльса разработать модель раздела цифровых активов супругов и обосновать изменения законодательства Узбекистана. Для этого в статье: (1) сравнивается правовая квалификация цифровых активов в трёх правопорядках; (2) сопоставляются правила отнесения их к общему или личному имуществу; (3) анализируются процессуальные средства выявления активов; (4) сравниваются способы оценки, раздела и исполнения; (5) формулируются предложения de lege ferenda.

Материалы и методы

Нормативную базу исследования составили акты трёх правопорядков. По Узбекистану — Семейный, Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы, Закон «Об исполнении судебных актов и актов иных органов», ПП-3832 от 3 июля 2018 г., акты НАПП и постановление Пленума № 3 [1–5; 20]. По России — Семейный кодекс РФ, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ и законопроект о включении цифровой валюты в общее имущество супругов, внесённый в Государственную Думу 21 октября 2025 г. [17; 22; 23]. По Англии и Уэльсу — Matrimonial Causes Act 1973, Family Procedure Rules 2010, Property (Digital Assets etc) Act 2025, доклад Комиссии по праву 2023 г. и судебные прецеденты [15; 16; 21; 24–27].

Доктринальную базу составили труды узбекистанских учёных Б.М. Кличевой, А.Н. Якубова, Ж.Ш. Абдусатарова, Э.Э. Инамджановой, А.А. Акрамова, А.А. Юлдашова и С.С. Гулямова [6–12], а также российских авторов Н.А. Цветкова и А.И. Гончарова с соавторами [13; 14].

Ведущим методом выступил сравнительно-правовой. Выбор России объясняется общим источником семейного законодательства и сходным режимом совместной собственности супругов; выбор Англии и Уэльса — тем, что это первая юрисдикция, закрепившая статус цифровых активов как объектов собственности в законе, и ведущий центр споров о криптоактивах. Правопорядки сравниваются по пяти критериям, совпадающим со стадиями раздела: квалификация, раскрытие, оценка, раздел, исполнение. Также применены формально-юридический, системно-структурный методы и юридическое моделирование. При этом актив рассматривается сначала с точки зрения того, кто контролирует доступ к нему и как его можно передать, и лишь затем — с точки зрения его правовой формы.

Результаты исследования

Сравнение показывает: три правопорядка по-разному отвечают на вопрос «что это за имущество», но лишь английское право имеет действенные средства найти и удержать скрытый актив. Результаты сведены в таблицу и раскрыты ниже по стадиям раздела.

Таблица 1. Раздел цифровых активов супругов: сравнение правопорядков

Критерий	Узбекистан	Россия	Англия и Уэльс
Статус цифрового актива	Имущественное право по ПП-3832 и актам НАПП; в законе прямо не назван	Цифровая валюта — имущество для целей банкротства и исполнительного производства (259-ФЗ)	Объект права собственности вне двух традиционных категорий (закон 2025 г.)
Норма семейного права	Ст. 23 СК цифровые активы не упоминает	Законопроект о дополнении ст. 34 и 36 СК РФ (2025)	Специальная норма не нужна: суд распределяет любое имущество супругов (MCA 1973)

Критерий	Узбекистан	Россия	Англия и Уэльс
Раскрытие имущества	Обязанности нет; скрытое имущество доказывает истец	Обязанности нет; доказывание через KYC-данные и историю транзакций	Обязанность полного и честного раскрытия (Form E); неблагоприятные выводы при сокрытии
Обеспечительные меры	Общие нормы ГПК; специальных правил для криптоактивов нет	Общие нормы ГПК РФ	Запретительные приказы, в т.ч. в отношении биткоина (AA v Persons Unknown)
Исполнение	Нет порядка взыскания на криптоактивы	Цифровая валюта признана имуществом для исполнительного производства	Принуждение самого супруга через судебный приказ под угрозой ответственности за неуважение к суду

1. Квалификация

В Узбекистане криптоактив признаётся имущественным правом, а через ст. 81 ГК — объектом гражданских прав [2; 3]. Приказ НАПП делит цифровые инструменты на криптоактивы, обеспеченные и необеспеченные токены и выделяет NFT в отдельный вид [5]. А.Н. Якубов отмечает, что криптовалюта, доменные имена и аккаунты могут быть объектами как вещных, так и обязательственных прав [7]. Однако семейное законодательство эти выводы не восприняло.

В России ст. 34 СК РФ содержит открытый перечень общего имущества, а Закон № 259-ФЗ признаёт цифровую валюту имуществом для целей банкротства и исполнительного производства [22; 23]. А.И. Гончаров, А.Н. Садков, В.А. Садков и Д.А. Давудов рассматривают цифровую валюту как «иное имущество» в гражданском обороте [14]. Законопроект И.А. Антропенко предлагает прямо указать: цифровая валюта, приобретённая в браке, — общее имущество, а полученная до брака или по безвозмездным сделкам — личное [17].

В Англии и Уэльсе Комиссия по праву в 2023 г. пришла к выводу, что криптотокены и NFT могут быть объектами собственности [15]. Property (Digital Assets etc) Act 2025, вступивший в силу 2 декабря 2025 г., закрепил: вещь, в том числе цифровая, не теряет способность быть объектом права собственности лишь потому, что не входит в традиционные категории [16]. Для семейного спора этого достаточно: по Matrimonial Causes Act 1973 суд вправе распорядиться любым имуществом каждого из супругов [24].

Вывод: для Узбекистана ближе российский путь — прямое указание цифровых активов в ст. 23 СК, поскольку режим совместной собственности супругов в обеих странах сходен. Но норма должна охватывать не только цифровую валюту, как в российском законопроекте, но и токены, NFT, права на аккаунты и доменные имена.

2. Общее или личное имущество

Общее правило во всех трёх правопорядках сходно: нажитое в браке подлежит разделу, полученное до брака или в дар — нет. Сложность составляют активы, связанные с личностью

супруга: Telegram-канал или блог создаётся личным трудом и часто не может быть передан другому лицу по правилам платформы. Как показал А.А. Юлдашов, цифровой контент охраняется авторским правом [11], а исключительное право автора принадлежит ему лично. Следовательно, сам канал целесообразно оставлять автору, а доходы от него, полученные в браке, и его стоимость учитывать при разделе через компенсацию. Английский суд достигает того же результата в рамках усмотрения по ст. 25 MCA 1973 [24]; в Узбекистане для этого нужен критерий в законе или разъяснение Пленума.

3. Раскрытие и выявление

Именно здесь различия наиболее велики. В Узбекистане и России супруг не обязан сам раскрыть имущество; бремя доказывания лежит на том, кто утверждает о существовании актива. Н.А. Цветков показывает, что российские суды опираются на совокупность косвенных доказательств: данные верификации KYC, историю транзакций, сведения о входах в аккаунт и IP-адресах, банковские переводы на криптоплатформы [13]. Это работает лишь тогда, когда супруг пользовался централизованной биржей; холодный кошелёк остаётся невидимым.

Английское право переносит тяжесть на самого владельца. По Family Procedure Rules 2010 каждая сторона подаёт финансовую декларацию (Form E) [25]. Палата лордов в деле Livesey v Jenkins закрепила обязанность полного и честного раскрытия имущества [26], а Верховный суд в деле Prest v Petrodel подтвердил право суда делать неблагоприятные выводы из уклонения от раскрытия [27]. Иными словами, супруг, скрывший кошелёк, рискует получить меньшую долю, даже если сам кошелёк так и не будет найден.

4. Оценка и раздел

Ни один из трёх правопорядков не устанавливает специальной даты оценки волатильных активов. В Англии суд, как правило, оценивает имущество на дату рассмотрения дела и может разделить сам актив в натуре, чтобы риск колебания курса несли оба супруга. Для Узбекистана целесообразно закрепить приоритет раздела криптоактивов в натуре (переводом доли на кошелёк другого супруга). При компенсации деньгами суд должен опираться на курс лицензированной биржи на дату вынесения решения. Для неделимых NFT и каналов — передача одному супругу с компенсацией по заключению эксперта.

5. Исполнение

Российский законодатель уже признал цифровую валюту имуществом для целей исполнительного производства [22], однако пристав по-прежнему зависит от доступа к ключу. Английский суд действует не против актива, а против лица: в деле AA v Persons Unknown биткоин был признан имуществом, в отношении которого возможен запретительный приказ [21], а неисполнение судебного приказа влечёт ответственность за неуважение к суду. Для Узбекистана оптимально сочетание двух подходов: обязать лицензированных провайдеров исполнять требования суда и исполнителя (развивая российский подход к цифровой валюте как объекту взыскания) и ввести судебную неустойку за отказ супруга самостоятельно перевести актив (функциональный аналог английского приказа).

Обсуждение

Узбекистанская наука уже создала базу для решения проблемы, но по отдельности в гражданском и семейном праве. Б.М. Кличева проследила становление имущественных отношений супругов в Узбекистане и отметила отсутствие специальных исследований эволюции этого института [6]. Ж.Ш. Абдусатаров обосновал необходимость принятия Закона «О цифровых активах» [8], Э.Э. Инамджанова исследовала токены и криптовалюты в международном частном праве [9], а С.С. Гулямов — правовое значение криптографии [12]. Наиболее близка к теме работа А.А. Акрамова: он показал, что Гражданский кодекс не называет цифровые активы объектом наследования, и обратил внимание на проблему доступа к частному ключу [10]. Но наследник не имеет противника, скрывающего актив, тогда как при разводе один супруг как раз заинтересован в сокрытии. Поэтому семейно-правовая задача сложнее наследственной.

Сравнение с Россией показывает предел чисто материально-правового решения. Законопроект о цифровой валюте в СК РФ отвечает на вопрос «чьё это», но не даёт суду средств найти актив [17]; российская доктрина фиксирует те же трудности доказывания, что и в Узбекистане [13]. Сравнение с Англией показывает обратное: там нет специальной нормы о цифровых активах в семейном законе, но процессуальные средства — декларация, неблагоприятные выводы, запретительные приказы — делают сокрытие выгодным лишь в исключительных случаях [25–27].

Переносить английскую модель целиком нельзя: она опирается на широкое судебное усмотрение и институт неуважения к суду, чуждые континентальному праву. Однако её функции можно воспроизвести средствами, известными праву Узбекистана: обязанностью сторон представить сведения об имуществе, увеличением доли добросовестного супруга при сокрытии, запросами суда к провайдерам, лицензируемым НАПП, и судебной неустойкой. Именно такая комбинация — российская норма о составе имущества плюс английская логика раскрытия — лежит в основе предлагаемой модели.

Заключение

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод: цифровой актив становится реально общим имуществом супругов не тогда, когда он назван в законе, а когда его можно найти, оценить и передать. Российский опыт полезен для квалификации, английский — для раскрытия и исполнения. На этой основе предлагается пятизвенная модель раздела: квалификация → раскрытие → оценка → раздел → исполнение.

Для её реализации предлагается:

1. Дополнить ст. 23 Семейного кодекса Республики Узбекистан указанием на цифровые активы (криптоактивы, токены, NFT), права на аккаунты, каналы и доменные имена, приобретённые в браке, и критерием, по которому актив, неразрывно связанный с личностью супруга, остаётся у него с выплатой компенсации другому.

2. Закрепить в Семейном кодексе обязанность супругов раскрыть имущество при разделе, а сокрытие цифрового актива сделать основанием для увеличения доли другого супруга (функциональный аналог английских неблагоприятных выводов).

3. Предусмотреть в Гражданском процессуальном кодексе декларацию имущества сторон по делам о разделе, право суда запрашивать сведения у провайдеров услуг в сфере оборота криптоактивов и обеспечительные меры в виде запрета на перевод криптоактивов.

4. Дополнить Закон «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» порядком взыскания на криптоактивы через лицензированных провайдеров и судебной неустойкой за отказ должника перевести актив.

5. Разъяснить в постановлении Пленума Верховного суда № 3 порядок раздела цифровых активов: приоритет раздела криптоактивов в натуре, дату оценки (курс лицензированной биржи на дату решения) и допустимые доказательства наличия актива.

Перспектива дальнейшего исследования — эмпирический анализ решений судов Узбекистана о разделе имущества, в которых заявлялись цифровые активы, и интервью с судьями и исполнителями.

Список литературы

1. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30.04.1998 (с изм. и доп.).
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп.).
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.07.2018 № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан».
4. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20.02.2023 № 3 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о разделе общего имущества супругов».
5. В Узбекистане утвердили порядок выпуска и оборота цифровых активов [приказ НАПП] // ForkLog.
6. Кличева Б.М. История становления и развития имущественных отношений супругов в Узбекистане: вопросы правового воздействия // Сибирский юридический вестник. 2026. № 1 (112). С. 31–37. DOI: 10.26516/2071-8136.2026.1.31.
7. Якубов А.Н. Эволюция криптовалют и цифровых активов: стратегия правовой институционализации в Республике Узбекистан // Общество и инновации. 2025. Т. 6, № 4. С. 414–422.
8. Абдусатаров Ж.Ш. Raqamli aktivlarning milliy qonunchiligimizda tartibga solinishi va ular bilan bog‘liq ayrim kamchiliklar // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2024. С. 421–430.
9. Инамджанова Э.Э. Международный опыт и современный процесс цифровизации активов // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2024. С. 544–555.
10. Акрамов А.А. Raqamli aktivlarni meros qilib qoldirishning huquqiy muammolari: O‘zbekiston va xorij amaliyoti // Yurisprudensiya. 2026. Т. 6, № 3. С. 93–101.
11. Юлдашов А.А. Raqamli muhitda mualliflik huquqi va turdosh huquqlarni muhofaza qilishning huquqiy asoslarini takomillashtirish: автореф. дис. … д-ра юрид. наук (DSc). Ташкент: ТГЮУ, 2026.
12. Gulyamov S.S. The Role and Importance of Cryptography in Modern Legal Systems // JLAI. 2023. Vol. 2, № 1. P. 1–6.

13. Цветков Н.А. Особенности доказывания права собственности на криптовалюту одного из супругов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2026. № 2 (86). С. 217–223. DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.217.
14. Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А., Давудов Д.А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16, № 3. С. 128–153. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.128.153.
15. Law Commission of England and Wales. Digital Assets: Final Report (Law Com No 412). London, 2023.
16. Property (Digital Assets etc) Act 2025 (c. 29).
17. В Госдуме предложили причислить криптовалюту к совместно нажитому имуществу [законопроект И.А. Антропенко] // ForkLog. 2025.
18. .
19. Брачный договор в Узбекистане // Spot.uz. 06.11.2025.
20. Закон Республики Узбекистан «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» (с изм. и доп.).
21. AA v Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm).
22. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
23. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.).
24. Matrimonial Causes Act 1973 (c. 18).
25. Family Procedure Rules 2010 (SI 2010/2955), Part 9.
26. Livesey (formerly Jenkins) v Jenkins [1985] AC 424 (HL).
27. Prest v Petrodel Resources Ltd [2013] UKSC 34.